

# ЧТОБЫ СВЕЧА НЕ УГАСЛА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ



**АЛЕКСАНДР  
ГРЯЗЕВ**

Прозаик и драматург Александр Алексеевич Грязев родился 9 ноября 1937 года в Дальневосточном крае, на станции Лондоко. Детство прошло в селе Железный Борок Буйского района Костромской области. Учился в сельской семилетке и в школе № 2 города Буя. Армейскую службу проходил в 234-м гвардейском Черноморском парашютно-десантном полку в городе Пскове. Работал на Череповецком металлургическом заводе. Окончил Московский историко-архивный институт и Высшие театральные курсы при ГИТИСе. Автор нескольких книг прозы и пьес. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

*Держали щит и меч  
меж двух враждебных рас -  
Монголов и Европы.*

А. БЛОК

*Россия! Русь! Храни себя, храни!*  
Н. РУБЦОВ

## БЕЛООЗЕРО

*Князь же великий Дмитрий Иванович  
послал грамоты по всем градам своим,  
ко всем русским князьям,  
боярам и воеводам и повелел вскоре  
собраться на Москву.  
ЛЕТОСЛОВЕЦ*

В то росное утро, из тех, какие нередко бывают после Ильина дня и августинского священства\*, с озера несло легким холодком. Покрывая всю его светлую ширь, над водой поднимался пар: люди не зря называли озеро Белым...

Стая диких утиц вылетела из-за недалекого леса и, сделав широкое полукружье, с шумом опустилась на мелководье у самого берега. Утки плескались, ныряли, искали корм, опуская головы в воду, и были похожи при этом на огромные рыбацкие поплавки. Они довольно крякали, будто разговаривали меж собой и радовались этой, видимо, давно желанной остановке после длинного перелета.

Утицы походили друг на друга своим темно-бурым оперением. Только селезень выделялся из всей стаи. Он был красив собою и так цветаст, словно писан дивными красками. Темной зеленью отливала его шея, перехваченная ярким белым кольцом, по серой спине струились мелкие светлые пестринки, а на каждом крыле было по круглому зеркальцу небесного цвета.

Селезень сразу же облюбовал из всей стаи молодую утицу и не отставал от неё, куда бы она ни плыла. Он

\* Августинское священство - освящение воды первого августа, в праздник первого, или мокрого, Спаса.

то плавал вокруг утицы, то рядом с нею доставал траву со дна, то становился супротив и был похож на жениха перед своей избранницей. Так, плавая вместе, они оказались чуть в стороне от стаи.

И тут вдруг из тумана выплыл другой селезень. Это был чужак. То ли от своей отстал стаи, то ли его утки кормились где-то неподалеку. Да и вид его был необычен. Он и на селезня-то мало походил: весь в темном, почти черном оперении. И только белое кольцо вокруг шеи говорило, что это селезень.

Черный чужак подплыл к утице, отогнал от нее красивого дружка и сам заходил перед нею, увлекая все дальше и дальше в туман. А та, казалось, и не замечала, что рядом с нею плавает другой. Она все так же плескалась в воде да ощупывала клювом свои перышки, будто прихорашивалась.

Красавец же селезень, обиженно крикая, поплыл к стае. Утки забеспокоились и стали подплывать ближе к молодой утице и черному селезню. Они окружили их, отогнали чужака, который тут же скрылся в белом тумане.

Утки здесь больше не задержались. Первым поднялся на крыло селезень, а вслед за ним часто захлопали крыльями и остальные утицы. Стая, опять сделав над водой широкое полукружье, устремилась в сторону леса, и шелест утиных крыльев пронесся над берегом...

...В тишине уходящей ночи гулко раздаются шаги княжских стражей по крепким тесинам городской стены Белоозера, окружающей новые постройки княжеского двора. При встрече стражи окликают друг друга.

- Славен город Москва!
- Славен город Ростов!
- Славен город Белоозеро!..

Среди ночных караульчиков ратник из молодых Андрей Хват. Когда он идет по своему пути на стене от проездных ворот до угловой башни, то по левую руку от него княжий двор с белеющими в темноте недавно рубленными стенами амбаров, а по правую - мощенные плашником улочки

белозерского посада с торговой площадью под самой городской стеной.

Дальше за посадом неоглядная ширь Белого озера, которого сейчас почти не видно, а при свете дня смотри - не насмотришься.

Славен город Белоозеро! Славен...

Никто сейчас и не скажет, когда к берегам этой большой воды пришли первые русичи и стали жить среди здешних людей земли Веси - древних насельников Белоозера у самых новгородских пределов. Разве только у какого-нибудь летописца сохранилась память о том, что был город поначалу на той стороне озера, а потом перебрались белозерцы на этот берег, на место, где вытекает из озера Шексна-река. Было это, говорят, еще в самом начале Руси, и место это из тех самых, откуда пошла и есть земля русская.

Много рек, ручьев и малых речушек вбирает в себя Белое озеро, а вытекает из него одна Шексна и течет до самой Волги-реки. Сплелись здесь, на Белоозере, пути сухие и водные. Потому-то, видно, и поселились белозерцы на этом бойком месте.

Шли сюда на своих ладьях, учанах и паузках торговые гости со всей Руси: из Суздаля и Москвы, из Нижнего Новгорода и Ростова Великого. Добирались к Белоозеру по Волге и Шексне купцы византийские и арабские из стран восточных и полуденных.

Шли они торговать своими товарами заморскими в богатую Двинскую землю, в Беломорье да Заволочье. И давным-давно были проторены туда пути-дороги.

Один путь лежал по Шексне до устья реки Славянки, а по ней в озеро Словенское, далее волоком в другое озеро - Порозобицкое, да речкой Порозобицей в Кубенское озеро. А из этого озера по Сухоне в Северную Двину до самого Устюга Великого и далее в землю Двинскую.

Другой путь туда же шел от Белоозера малыми речками Пидьмой да Ухтомкой через озерки, протоки и волоки, к рекам Ухтоме и Модлоне, а по ним в озеро Воже. Оттуда по реке Свида в озеро Лаче, а из него рекой Онегою в губу Онежскую Белого моря.

И еще один путь проходил через Белоозеро: из Руси Московской в Онежскую пятину Новгородской земли по рекам Ковже и Вытегре в Онежское озеро. Ходили, правда, по нему не одни только торговые гости. Шли тут, бывало, ватаги лихих новгородских молодцов на своих ушкунях\* воевать дальние земли Заволочья и дани имать с тамошних насельников.

Да, на бойком месте стоял город Белоозеро. Не один век минул с той поры, стоять бы ему со своими мощными улицами и рядами домов на них вдоль берега Шексны в нынешнем веке и в будущих - да пришла в одно не столь уж давнее лето на Русь беда нежданная и небывалая - великий мор.

Началась чума где-то в низовьях Волги. Потом покосила людей в Нижнем Новгороде, перекинулась в Переяславль, Ростов Великий, Владимир, Москву. Собрав черную дань свою, пришла она и к берегам Белого озера...

«Болезнь же бе сице\*\*»: прежде яко рогатиною ударит под лопатку или под груди, или меж крыл, и тако разболехоя человек, начнет кровью харкати и огонь разжет, и потом пот, та же дрожь, и полежав один день или два, а редко того кои три дня и тако умираху... По всем странам и градам был мор велик и страшен. Не успеваху бо\*\*\* живые мертвых спрятывать, везде бо бе мертвые: в градах и весях, в домах и у церквей и бо тут и скорби и плач неутешный. Мало бо бе живых, но все мертвые и погребяху же во едину яму пять или шесть мертвых, а иногда десять и более, а двory многие пуста быша. В иных один или два женск пол или мужеск или отроча мало»... Так записал летословец, а попы в церквах и сейчас говорят, что казнь сия послана была на людей от Бога за грехи их. Многие после того ушли в святые обители и приняли монашеский чин.

Похоронив в братских скудельницах умерших, оставшиеся белозерцы покинули свой город. Бросили дома и кузни, амбары и копильни, пашни и сенокосы, огороды и сады. Оставили они и речку Васильевку, что текла через город в Шексну, и церковь святого Василия Кесарийского на ее берегу - первый храм православный на Белоозере, поставленный на том самом месте, где язычники приносили жертвы своим идолам и где в приделе этого храма положен был первый белозерский князь Глеб Василькович, потомок великого Ярослава Мудрого и прадед нынешнего князя Федора Романовича. Ушли те немногие белозерцы искать другое место для житья. И нашли такое на берегу озера у самой воды, в двадцати поприщах\*\*\*\* от старого города. Место было славное. Берег полого переходил в гору, поросшую лесом. Избы поставили вдоль берега, как и в старом городе.

Один только князь белозерский Федор Романович со своей родней и дружиной не пошел с белозерцами на новое место, а остался на своем дворе и жил там до нынешнего лета.

А в прошлое лето вырубili лес выше домов посадской Слободы, и мастера-городники окружили то место высокой стеной. Потом стали рубить княжеские постройки: терем с гульбищем, амбары, конюшни, мыльни, гридницу\*\*\*\*\*. Не все еще успели сделать белозерские плотники для своего князя - ядреным запахом свежих сосновых бревен и сейчас напоен воздух - но он в это лето перебрался сюда со всем своим двором и домашними.

В старом городе не было ни вала земляного, ни стен городских, а здесь князь Федор, опасаясь набега новгородской охочей рати, приказал обнести свой двор крепкой стеной. Ведь случалось уже такое на его памяти: взяли однажды новгородские молод-

---

\* Ушкуй - лодка новгородцев

\*\* Сице - так, таким образом.

\*\*\* Бо - так как, потому что.

\*\*\*\* Поприще - мера длины примерно в тысячу шагов.

\*\*\*\*\* Гридница - помещение для приёмов у князя и дружины.

цы город и огнем пожгли. Ничего не пожалели. Даже церковь соборную разграбили и серебро с икон ободрали. Хуже басурман надругались. Городской люд от греха по лесам разбежался. Так едва ли не месяц ватаги новгородцев рыскали по волостям и лесам: имали людей и скот, грабили дворы и все добро отправляли вниз по Шексне и далее к Новгороду. Много полону увели они с собой: мужиков, женок, ребят малых. Беда в тот раз была от новгородцев великая. Не меньше, чем от моровой заразы.

Вот почему поставили городовые стены вокруг княжеского двора: при нужде все посадские белозерцы могут укрыться за ними от любого врага. Вот почему днем и ночью ходят по верху стены меж невысоких башен княжьи стражи.

Андрей Хват, молодой ратник белозерского князя, служил в дружине недавно. Всего лишь года два тому, как взял его князь в молодшие дружинники, перепоясав его поясом с боевым мечом. Службой своей продолжал он дело отца своего Ивана Хвата, который многие года верой и правдой служил в дружине князя Федора.

Отца Андрей плохо помнил. Умер тот в страшный год моровой поветрия вместе со всей их большой родней. И матушку Маремьяну, и деда Касьяна, и братьев Некраса да Фролку, и сестрицу Устю - всех покосила проклятая болезнь. Андрея же, четырехлетнего несмышленища, Бог весть как оставшегося в живых, взял к себе конюшенный ключник князя Маркел, давний друг отца. У Маркела тоже вся семья полегла, и он, заколов обиды дома, стоявшие на берегу речки Васильевки у самой соборной церкви, захватив с собой малолетнего Андрея, переселился на княжеский двор. С тех пор и жил Андрей приемным сыном Маркела, и не было в его жизни ближе и роднее человека.

Но в прошлое лето преставился и старый Маркел. Особого богатства он не нажил, а что было, то, позвав, будучи еще в ясном уме, отца душевного Окула - попа, передал Андрею и в церковь святого Василия на помин душ

своей и своих близких. И остался Андрей совсем один, хоть и большая семья дружинная у князя Федора...

- Славен город Белоозеро, - послышался голос снизу, а вслед за этим раздались звуки шагов по ступеням лестницы.

- Славен... - отозвался Андрей и увидел, как к нему поднимается его сменщик Грикша Лобан.

С разных концов городской стены раздавались голоса: с началом света менялись караульщики. Грикша зябко ежился от ночной прохлады после теплой повалуши.

- Здорово, Андрюха, - проговорил он. - Ну, как тут ныне?

- А все добро, - ответил Андрей. - Неужто замерз?

Грикша громко зевнул, потянулся, поиграл копьём, перекидывая его из руки в руку, прислушался.

- Скукота-а-а, - изрек он все еще сонным голосом и позевывая.

- Начало света. Петухи на посадке поют, слышь. Не соскучишься. Бывай.

- Ступай с Богом, - вздохнул Грикша, - и за меня отоспись.

Андрей спустился по шатким сходням на землю и неторопко зашагал мимо погребов и амбаров, конюшен и клетей к повалуше, что стояла у самой гридницы напротив княжеского двора.

В теплой избе, где на войлочных полстьях спали вповалку ратники, Андрей разделся и тоже лег было, найдя свободное место на полсти, но, вспомнив вдруг про коня своего, с которым расстался еще вечером, тут же натянул опять рубаху и сапоги, надел пояс с калитой и ножом, захватил ломоть хлеба, вышел из повалуши и направился к конюшне.

На дворе светало. Из-за городской стены, с посада доносились первые голоса наступающего дня: мычанье коров, крики пастухов, дробь их барабанок и резкие хлопки пастушьих плетей.

В конюшне стоял полумрак, и Андрей распахнул настежь ворота. В еще не нарушенной никем тишине он прошел в глубину конюшни к стойлу своего Морозки и повернул наверх тыш дверцы.

Морозко, почуяв хозяина, резво поднялся, тихонько заржав, подошел к Андрею и благодарно ткнулся теплыми, мягкими губами ему в плечо, обдав шею своим горячим дыханием.

- Ну, здорово, друже. Заждался? Ладно, ладно, - говорил Андрей, отвечая на ласки коня и угощая его хлебом.

Андрей любил своего коня, как любят только близкого человека, товарища или брата. И Морозко, вороной с проседью, будто покрытый изморозью, отчего так и прозванный, жеребец, отвечал Андрею тем же.

Сняв с крюка сыромятную уздечку, Андрей надел ее на Морозку и вывел его из стойла.

- Пошли, Морозко. Я тебя напою, умою, почищу, накормлю. И не будет у тебя ни в чем нужды-заботы. Идем, идем, - приговаривал Андрей, ведя коня к воротам, где вдруг увидел стоявшего человека. Он сразу признал Кузьку - парня из посадских, с которым давно водил дружбу.

Кузька, сын городского пастуха Анисима Сухорукова, хоть и не ровня был княжескому ратнику Андрею, но давно привязался к нему, старался во всем походить на старшего товарища и мыслил, видно, когда-нибудь стать таким же.

- Чего такую рань? - спросил Андрей, выводя Морозку из ворот конюшни.

- Так скотину с батей сгоняли. До прогонов провел, а теперь днем его сменю. А ты куда?

- Ночь в стороже стоял. Напоить Морозку надо да самому спать.

Кузька погладил шею коня, потрепал его лохматую, спутавшуюся гриву.

- Дай я поведу, - попросил он Андрея.

- Держи, - передал Андрей повод, а сам замкнул ворота и они направились к берегу озера.

Хотя и проводил Кузька ныне свое шестнадцатое лето, а Андрей был намного старше, ростом ему Кузька почти не уступал, разве что поуже в плечах был. Сейчас, оба светловолосые, в простых полотняных рубахах и в узконосых сапогах, они были похожи на братьев-погодков.

Рассвело совсем, а когда они подошли к берегу озера, то на той его стороне, далеко-далеко, у самого небоската, где его синева смыкалась с такой же синей озерной гладью, показалось, будто из воды и умытое ею, переливаясь, красное светило, обогрив полнеба малиновым заревом. На берегу было тихо. Только стая диких утиц прошелестела над ними крыльями. Андрей и Кузька, видя все это, остановились и притихли.

- Ишь, играет. Не к добру, поди, - первым нарушил молчание Кузька.

- А ты бы не каркал, Кузя. Беды накличешь, - тихо сказал Андрей.

Кузька не обиделся и перечесть не стал.

- Да я ничего. Только, говорю, не ко времени солнце-то играет.

- Выходит, так надо. На все воля Божья.

Андрей завел коня на мелководье. Тот опустил мохнатую голову и, пофыркивая, стал тянуть воду. Вдруг Кузька толкнул друга в бок.

- Андрюха, глянь, не Ульяна ли твоя?

Андрей посмотрел, куда показывал Кузька. Вдоль берега к портомойным лавам, где обычно бабы полоскали белье, подходила девушка. Два небольших плетеных короба покачивались на коромысле,

- Она...

Андрей передал Кузьке повод, а сам почти побежал к лавам. Ульяна заметила его и остановилась, опустив ношу на землю.

Светлые волосы заплетены в косу с синей лентой. Такой же лентой перехвачен и лоб. На Ульяне длинная, вышитая по вороту и подолу синими нитками рубаха, подпоясанная узким кожаным ремешком с пряжкой, а в ушах сережки с голубыми бусинками, такими же, как Ульянины глаза.

Андрей подошел, поклонился в пояс.

- Здравствуй, Ульяница.

- Здравствуй, Андрюша, - поклонилась в ответ Ульяна.

- Ты отчего вчера на игрище не приходила?

- Матушка захворала. Недосуг

было, - девушка показала на коробья с бельем, которое принесла полоскать.

Андрей достал из калиты нитку стеклянных бус и протянул Ульянице. Бусины были разных цветов: синие, желтые, красные. Они заискрились на солнце.

- Ой, где взял красу такую?

- У заезжего гостя купил. Для тебя.

- Спасибо, Андрюша, - поклонилась Ульяница,

- А ты сегодня на игрище придешь? Или, может, зайти за тобой?

- Ой, что ты. Люди увидят. Я сама приду.

- Пусть видят. Скоро у князя Федора позволения спрошу и к Покрову сватов зашлю...

- Андрюха-а, - громкий протяжный крик Кузьки прервал их разговор, - гляди-и-и, скоровестник.

Андрей обернулся. Вдоль берега, по дороге от Старого города, широким наметом скакал всадник, пригнувшись к потной шее коня. У первых домов посадка он круто повернул, и конские копыта забарабанили по мостовой.

Да, так скакать мог только гонец. Что-то тревожное показалось Андрею в облике воина. Он попрощался в Ульяницей, подбежал к Кузьке и, вскочив на жеребца, помчался в город. Кузька побежал за ним.

...Вскоре над городом понеслись частые звуки набата. Это на торговой площади ударили в железное било. Так звучал набат всегда при бедах и напастях. Его тревожный голос летел над Белоозером, над земляным валом и тесовыми крышами домов. Он распахивал калитки дворищ, выгоняя на улицу белозерцев, заставляя их бежать к торговой площади. Тоскливо сжимались сердца горожан; много раз слышали они этот сполошный звон, но, видно, к нему нельзя привыкнуть...

Вскоре вся площадь между крепостной стеной и посадом была заполнена народом.

В походном строю, при конях стояли дружинники. А рядом с ними большой пестрой толпой городской ремесленный люд: кузнецы-молотни-

ки, гвоздари и оружейники, рыбаки, сапожники, плотники, гончары и прочие рукодельцы с женками и ребятишками.

Посреди этого многолюдья на невысоком деревянном помосте, откуда обычно оглашали княжьи грамоты и где висело на цепи сполошное било, стоял в окружении своих сотников белозерский князь Федор Романович.

Черная с проседью борода. Дорогим серебряным поясом перетянут червчатый кафтан. По правую руку от князя его сын Иван. В руках Федора Романовича - белый свиток. Он поднял его над головой. На площади стало тихо.

- Дружина моя верная! Братья-белозерцы! - громко начал князь Федор. - Грамота сия от великого князя всея Руси Дмитрия Ивановича. Пишет он князьям и боярам, и детям боярским, и всем воеводам, и всякому войску, и всем безымянным - чей кто ни будет. Поганый Мамай вновь умыслил посягнуть на нашу землю русскую. Несметной ратью идет он на Русь, и князь великий зовет к себе воинов со всех русских земель. А писано так.

Федор Романович развернул свиток:

- «...Бысть нам за одного до живота, как приказали нам прародители наши. Чтобы не перестала память их и не угасла бы зажженная свеча русская... Как к вам сия грамота моя придет, и вы бы других грамот не дожидались, а собирались все однолично на Коломну на Успение святой Богородицы. Там разберем полки. А вы бы грамоты посылали промежду собой сами, не издерживая ни часа».

- Белозерцы! - продолжал князь. - Когда придет все белозерские князи с дружинами, выступим на Москву. Собирайте корм по дворам!

Из толпы мастеровых выступил вперед и подошел к помосту невысокий плотный мужик. Волосы стрижены в кружок, небольшая округлая борода. На мужике длинный фартук из грубой холстины. Рукава рубахи зашучены по локти. Кузька узнал в нем соседа Онфима-сапожника. Касаясь земли зажатой в руке войлочной шапкой, Онфим поклонился князю.

- Дозволь, князь, слово молвить.

- Говори.

- Видно, труден час наступает, коли князь великий собирает воинов со всех земель русских. Поведешь и ты белозерские дружины спешно и конно. Не у всех нас, княже, есть боевые кони да доспехи добрые, но все умеем держать в руках меч и все хотим постоять за нашу землю русскую, за веру христианскую, как и прародители наши. Соберем по дворам коней сколько есть и урядим городские сотни. Бери, княже, и нас, посадских.

Федор Романович обвел взглядом толпу посадских людей.

- Все ли так мыслят, как мастер Онфим? - громко спросил он.

- Все! - закричали белозерцы.

- Веди, князь, все пойдем!

Федор Романович поклонился народу на все стороны.

- Спасибо, белозерцы. Иначе о вас и не мыслил... А ежели у кого коня не хватит или доспехов, тот у меня возьмет...

Не медля ни часа город начал готовиться к походу. По дворам собирали съестные припасы: соленую и ветрянную рыбу, сыры, хлебы, крупу и прочий корм.

Поскакали гонцы к младшим князьям Белозерья в Сугорье, Кему, Андогу, Карголому, Вадбол, Шелешпань, Ухтому, Белое Село. Приказ был один: выступать в поход немедленно...

...Когда расходились с торговой площади, Кузька догнал Андрея.

- Андрюха, а меня возьмут в поход? - с надеждой спросил Кузька.

- Взять-то, может, и возьмут, да больно ты молод, Кузя. На твою жизнь походов хватит. А дома-то отпустят ли?

- Батя отпустит, а матушка, известно, в слезы, - сказал Кузька и, помолчав, добавил: - А не отпустит - все равно уйду.

- Не то говоришь, Кузя, - остановился Андрей. - На такое дело надо идти по-хорошему. Тогда и душа твоя на месте будет. Поговори с батьком. Его слово - закон.

- Ужо поговорю, - согласился Кузька. - Только бесконный я. Вот в чем

дело. У нас одна лошадь, да и та страдающая, с жеребенком, не под седло.

- Ежели тебя отпустят, то это дело поправимо. Добудем тебе коня доброго. Прямо из нашей конюшни. Ты слышал, что князь Федор сказал?

- Слышал.

- Ну, вот и все дела. Иди к батю.

- Скоро обедать ему понесу. Тогда и скажу.

- Дело твое.

Они подошли к конюшне. Андрей поставил Морозку в стойло и вскоре вышел.

- Андрюха, - опять с надеждой спросил Кузька, - а сегодня читать будем?

- Что ты, Кузя, до того ли сегодня? - удивился Андрей. - Собираться надо.

- Долго ли ратнику собраться. Ведь не сегодня в поход выступать. А читаем немножко. Хоть один лист, - умолял Кузька Андрея.

- Ну хорошо, идем, - согласился Андрей.

Как-то однажды показал он Кузьке самое дорогое свое сокровище - старую книгу, доставшуюся ему от Маркела, который тоже дорожил ею и передал Андрею «по своей душе на поминок в наследие вечных благ». То были «Повести минувших лет, откуда пошла и есть Русская земля». По ней приучился Андрей к слову книжному, набрался многих знаний и мудрости коснулся.

Кузька и сам уже знал грамоту. Целых три зимы ходил он к дьяку Варсонофею учиться писать и считать. Но дьяк учил их все по псалтыри да часослову. Эта же книга не была похожа на те церковные книги, хоть и писана была теми же буквами и словами.

Чего только не узнал Кузька, когда Андрей начал ему читать повести с самого начала. Открылась ему вдруг вся прошлая жизнь на земле от самого сотворения мира. Знал он теперь про Адама и Еву, про Авеля и Каина и про всемирный потоп, про Ноя и его сыновей, и про Вавилон, и про то, где какие земли лежат и какие там народы живут, какие реки текут и в какие моря.

Узнал Кузька и о том, кто первым стал в Киеве княжить и как возникла Русская земля. Это, пожалуй, было самым интересным во всей книге. Читал ему Андрей про славян и про другие народы, Русь населяющие, про их законы и обычаи. Даже про родное Белоозеро и то в этой книге не раз прописано. Как жили здесь люди племени весь и как они с князем Олегом даже на Царьград ходили в боевой поход.

Что и говорить - великая была эта книга о радостях и горестях Русской земли и народа русского. И недаром ведь писано, что свет дневной есть слово книжное...

...Они подошли к избе, где жили молодые дружинники, и Андрей сходил за книгой.

- Так чем закончили мы в тот раз, Кузя? - спросил Андрей, устраиваясь в тени навеса у стены, так, чтобы им никто не мешал,

- А мы про великого князя Владимира Киевского читали. У тебя там тряпицей заложено.

Андрей отстегнул медные застежки толстой, обтянутой темной кожей книги, даже один вид которой внушал благоговейное уважение,

- Верно, Кузя, - подтвердил Андрей, раскрывая книгу. - А ну-ка Расскажи, о чем там было написано.

- А было там про то, - начал Кузька, - как Владимир-князь Русь крестил и тем добра много сотворил он Русской земле. За это чтят его русские люди, вспоминая святое крещение. А когда он преставился в своем селе Берестове под Киевом, то пришли к нему многие люди и плакали по нем - бояре как по заступнику страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе.

- Молодец, Кузя, - похвалил друга Андрей. - А что было потом?

- Сын Владимира Святополк стал княжить в Киеве. И стали твориться на русской земле страшные дела. Пошел брат на брата и полилась кровь братская. Не бывает греха страшнее. Ибо задумал Святополк перебить всех своих братьев и один владеть русской землей. Первым убил он брата своего

Бориса, а потом и Глеба. И прозван был за то Окаянным.

- Итак, Глеб был убит, - подхватил Андрей рассказ Кузьки, читая его уже по книге, - «и брошен на берегу, затем его увезли и положили рядом с братом Борисом в церкви святого Василия. И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у владыки, царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам открытие, печальным утешение. Заступники они за Русскую землю и мученики.

Христолюбивые же, страстотерпы и заступники наши! Покорите поганных под ноги князьям нашим, молясь владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здравье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостойте и нас того же, поющих вам и почитающих ваше славное торжество во вся веки до скончания мира»...

Кузька сидел не шелохнувшись, слушая чтение Андрея, и вставали перед ним картины того давнего раздора на родной русской земле, затеянного Святополком Окаянным. Вот сестра его Предслава шлет весть в Новгород другому брату - Ярославу. И пошел Ярослав на Святополка, и в жестокой сече разбил его, а сам сел в Киеве на столе отцовском. Святополк же бежит в Польшу и на Русь идет с поляками. Так не раз ходят они друг на друга. Но вот праведное дело зло побеждает, и Ярослав разбивает в жестокой битве Святополка, пришедшего с печенегам, и тот бежит и, как пес смердящий, находит смерть свою на чужбине. Свершилась над ним справедливая кара, как и быть должно. Ибо пролил он праведную кровь своих братьев без вины их...

- Ярослав же сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик, - закончил Андрей чтение и перевел дух.

- А потом? - спросил Кузька.



- А потом долго еще княжил на Руси Ярослав и прозван был Мудрым.

- За что?

- А вот про это сам читай, - сказал Андрей и передал Кузьке книгу. - Вот тут.

И Кузька стал водить пальцем по книжному листу.

- «...И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться и черноризцы стали умножаться и монастыри появляться... и любил Ярослав ... книги, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество... Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца людей.

Велика ведь бывает польза от учения книжного... Это ведь реки, напоющие вселенную, это источники мудрости. В книгах ведь неизмерима глубина; ими мы в печали утешаемся; они - узда воздержания... Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей»...

- Понял теперь? - прервал Андрей Кузьку и взял у него книгу.

- Вся правда тут. Будто про меня писано... А дальше?

Андрей засмеялся.

- Больно ты скор, Кузька. А чтение книжное суety не терпит. О великом же Ярославе и делах его прочтем в другой раз.

- Ты что, книгу в поход возьмешь?

- Она всегда со мной. Возьму и в этот раз.

- Ну, тогда другое дело, - успокоенно сказал Кузька. - Скажи только, а при Ярославе на Руси раздора не было?

- Не было. Он еще при жизни всем своим сыновьям наставление дал, вроде завета... Ну, ладно, слушай, - Андрей опять раскрыл книгу: - «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мир-

но жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую добыли они трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата... И так наставлял сыновей своих жить в любви... Жил же он всех лет семьдесят и шесть...» Вот так, брат Кузьма, - закончил Андрей и захлопнул книгу. - Ты сейчас-то домой?

- Домой... Да к бате бежать надо.

- Ну, иди, а по пути, Кузя, вот что сделай.

Андрей достал из калиты небольшой берестяной лист, железное писало и выдавил на бересте несколько слов. «Ульянице от Андрея. Приди»... успел прочесть Кузька.

- Сделай доброе дело, Кузя, - повторил Андрей, подавая бересту. - Снеси грамотку Ульянице. Прямо ей в руки отдай. Понял?

- Понял, - подмигнул Кузька и серьезно добавил. - Понятие имею. Что я - дите? Не поперек ведь лавок, а вдоль.

- Ну тогда дуй...

И Кузька побежал на посад. Отдав Андрееву грамотку Ульянице, он неторопко пошел к своему дому, который стоял в первом ряду посада у самого берега озера. Кузька не торопился потому, что весь был в думах о том, как он скажет матери, что надумал идти в поход. И, представив себе лицо матери, ее слезы и слова, какие она скажет, Кузька решил сейчас ей ничего не говорить: пусть отец все скажет сам, когда вечером пригонит с пастбы скотье стадо.

В полутемной, насквозь продывленной избе матушка Варвара хлопотала в углу у печи. Видно, готовила обед или еще чего. Кузька никогда не видывал матушку сидящей без дела. От темна до темна была она вся в делах и заботах по дому. Ведь кроме его, Кузьки, у Варвары с Анисимом было еще трое ребятишек: сестрицы Гранька и Олёна да народившийся недавно братец Пантя.

Девчонки были дома и помогали матери. Гранька у печи, а Олёнка качала в зыбке, подвешенной на шесте

в другом углу избы, маленького братца.

- Где гуляешь? - строго спросила Варвара сына.

- На торгу был, где и все.

- Я тоже была, да вот дома давно. К батё-то собираешься?

- Сейчас пойду.

- Сперва по воду сбегай. Потом сам за стол. Тогда и пойдешь.

Кузька вышел в сени и, взяв деревянные ведра, побежал на озеро, а когда пришел, то обед уже стоял на столе. Парил в большой деревянной мисе горячая рыбная похлебка, а в горшке ячневая каша. Мать и сестрицы дожидались Кузьку. Потом все помолились и сели за стол.

После обеда мать налила в глиняный кувшин, оплетенный берестой, молока, наложила в малый горшок каши, отрезала от ковриги решетного хлеба, поставила все это в плетеную корзинку и подала Кузьке.

- Иди, накорми батю. Поди заждался.

И Кузька вышел из дома. Через животинные прогоны окраины слободы он попал на широкую луговину, которая подходила к самому лесу, где увидел еще издали стадо, а потом и батю, сидящего в тени ивового куста.

- Что там стряслось? - приступая к трапезе, спросил Анисим сына, видно, слышавший и здесь сполошный звон из города.

- Гонец прискакал от великого князя Московского. Сзывает грамоту привез. Идут опять татары на Русь. И несть, говорят, им числа.

- Стало быть, опять летит гусь на святую Русь. И что им, поганым, надо от нас? Мы ни на кого не ходим, а на нас через лето в лето. Князь Федор был?

- Был. Говорил с народом. Грамоту оглашал. Гонцов ко всем белозерским князьям послал. Как только ближние с дружинами придут, так и в поход выступят.

- Где собираются?

- Сперва на Москве. Туда и наши идут. По дворам собирают припасы. К вечеру отправят житный обоз...

Кузька остановился и Анисим почувствовал, что сын чего-то недоговаривает.

- Ну-ну, еще чего?

- А то, что и наши посадские тоже с князем Федором пойдут. Так всем миром порешили.

- Ну и хорошо. По правде решили. Был бы я здоров - тоже пошел бы.

У Анисима плохо володовала левая рука. Когда-то, еще не в столь давние годы, был он рыбным ловцом. И хоть приходилось каждую десятую, а то и пятую рыбу отдавать княжескому ловчему, да для дружины, да для церкви, а уж себе что останется, но жили они тогда сносно. Носил на торг рыбу свежую и вяленую, сушеную и соленую. Водилась в доме и щучина, и лещевина, и стерляжина.

Но в одно недоброе лето все нарушилось. Ловил однажды Анисим рыбу ночью острогой, да сам на острогу же рукой и напоролся, упав в лодке. С той поры она плохо слушается и Анисим ею мало что может делать. Потому-то и пошел в пастухи. А рыбу теперь ловит только вместе с Кузькой.

- А ты меня в поход пошли, батя.

- Тебя? - удивленно переспросил Анисим и внимательно, как-то по-особому посмотрел на сына.

- Ну да, меня, - подтвердил Кузька. - Что я - маленький?

Анисим долго не отвечал.

- Ты уже не мал, Кузя, да и не велик больно... И я бы тебя отпустил, да ведь ты знаешь, что у нас с тобой в одном кармане сочельник, а в другом чистый понедельник. Где коня возьмешь? На нашей Корюхе тебе и до Москвы не доехать, а купить не на что.

- Об этом не думай, - повеселел Кузька. - Князь Федор свои конюшни бесконным откроет. А мне Андрюха коня доброго подобрать обещал.

- Ну, тогда другое дело, ежели так, - согласился Анисим. - А с маткой говорил?

- Не стал ее пугать. Ты уж сам, за один раз.

- Ладно, пусть будет по-твоему, - закончил разговор Анисим, собирая

в корзинку остатки обеда. - Ты тут, Кузя, погляди, а я подремлю немного. Эх, судьба наша. С малыми детьми горе, а с большими вдвое.

И Анисим стал устраиваться спать на теплой и мягкой траве...

...С пастбы отец и сын вернулись поздним вечером, и, пока Варвара обряжала корову, Анисим ничего ей не говорил о сыне. Сказал же, когда она пришла со двора.

- Не отдам, - почти закричала Варвара и даже прикрыла собою Кузьку, будто кто-то собирается увести его немедленно.

- Ладно, мать, не кричи. Конечно, вся семья вместе, так и душа на месте. Да уж такая, стало быть, судьба ему, - успокаивал жену Анисим.

- Да ведь он же еще дите, - не сдавалась, плача, Варвара. - Не ведает твоя голова, что язык глаголет.

- Жених он уже, а не дите. Скоро мужиком будет. Вот так и порешим, - твердо сказал Анисим и себе, и Варваре, и Кузьке.

И Варвара, поглядев на мужа и сына, поняла, что спорить будет без пользы. Она молча примирилась, и только глаза, которые она то и дело утирала концом платка, выдавали ее думы.

После захода солнца, когда через узкое косячатое оконце, затянутое скотым пузырем, в избу не стало пробиваться света, зажгли лучину и молча сели ужинать. Так же молча, помолясь на сон грядущий, стали укладываться спать.

Кузькино место ночью - горница. Здесь не жарко, как в избе, и многие ночные звуки услышишь, пока не заснешь: то ли животное вздохнет внизу в подклете, то ли какая птица прокричит в недалежном лесу или заплещут о берег озерные волны, совсем рядом, за огородом.

Кузька уже стал засыпать, когда услышал вдруг, как скрипнула дверь в сенях и по двору кто-то пошел. Кузька встал, тихонько отодвинул задвижку волокового оконца и глянул на волю. В полумраке наступавшей ночи он узнал мать. Варвара прошла к озеру и вернулась оттуда, неся деревян-

ный ковш с водой и небольшую глиняную чашу без дна. Она остановилась посреди двора, поставив чашу и ковш на землю. Затем щепкой прочертила вокруг себя, опустилась на колени и полила из ковша воды в чашу. До Кузьки донеслись слова матери:

- Разрыдалась я, раба божая Варвара, во чисто поле гляючи. Досиделась я до поздней вечерней зари, до сырой росы, в тоске и в обиде.

Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, почерпнула воды из загорного студенца. Стала я среди леса дремучего, очертилась чертою призорочною и возговорила зычным голосом.

Заговариваю я своего ненаглядного дитятку Кузьму над чашею брачною, над свежей водою. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, светлее солнышка ясного, милее вешнего дня, светлее ключевой воды, белее ярого воска, крепче камня горячего Алатыря.

Есть великий окиян-море, в том великом океане есть остров, а на острове калена изба. Сидят в той избе три сестры, самому Христу дочери. Большая сестра сидит у порога на золотом стуле, берет иглу булатну, вдевает нить шелковую, зашивает рану кровавую у раба Божия Кузьмы. Не было бы ни раны, ни крови, ни ломоты, ни болезни.

А будь ты, мое дитятко, моим словом крепким в ночи и полуночи, в часу и получасии, в пути и дороженьке, во сне и наяву укрыт от силы вражьей, от нечистых духов, сбережен от смерти напрасной, от горя и беды, от топора, от меча, от татарского копья, от борца-единоборца, от врага-супостата, от всей поганой татарской силы.

Заговариваю я раба Божьего Кузьму - ратного человека сим моим крепким заговором. Чур, слову конец, моему делу венец.

Варвара еще долго молилась, кланялась и поила водой «Мать сыру землю», но Кузька уже ничего не видел и не слышал. Он успокоенно спал в своей горенке.

...Андрей и Ульяница провожали

солнце, уйдя далеко от слободы по берегу озера. Здесь, на взгорке у березовой рощи, где в праздники собирались белозерские парни и девушки, они сидели и глядели на закат.

Казалось, что солнце садилось в озерную воду, так же как утром поднималось из озера. Видение это заворжило обоих. Ульяница вдруг прижалась к Андрею.

- Ты чего-то боишься? - спросил Андрей.

- Нет, Андрюша. С тобой мне не страшно, а хорошо. Я за тебя боюсь... боюсь потерять.

- Видно, уж такая судьба наша: мне - уходить, тебе - ждать.

- Больно недолго нам с тобой погулять довелось. Ты помнишь, как мы встретились накануне Петрова дня?

- Разве я когда забуду... Только я ведь тебя раньше приметил.

- Когда? - удивилась Ульяница.

- В Иванов день. Вы тогда вот в этой роще хороводы водили да песни пели. Про цветок иван-да-марья.

- Я помню. Верно, пели... А ты знаешь, Андрюша, почему так этот цветок назван?

- Нет.

- Тогда слушай, - тихо, почти шепотом говорила Ульяница. - Жили когда-то давным-давно молодец и девушка. Иван да Марья. Ну, вот такие, как мы с тобой. И полюбили друг друга. А потом вдруг все узнали, что они - брат и сестрица. И люди наказали их: сделали цветком. Вот почему лепестки у этого цветка разного цвета. И зовут его иван-да-марья... А ты почему тогда не подошел ко мне?

- Сразу как-то не решился.

И они стали вспоминать о своей первой встрече накануне Петрова дня. В ту ночь парни и девки спать не ложились. Сперва провожали солнце, а вместе с ним и весну красну. Потом всю светлую ночь водили хороводы, пели, играли, ожидая восхода солнца: в этот день оно всегда горело и играло, возвещая приход лета красного.

Недалеко от них шумели листвою деревья от свежего ветерка с озера.

Ульяница прислушалась.

- Деревья шумят, - сказал Андрей. - ветер подул.

- Это они разговаривают, - тихо и таинственно проговорила Ульяница.

- Как это?

- Мне бабка старая сказывала, что деревья живые, что они тоже люди, только давным-давно жили. А теперь один раз каждое лето они переходят с места на место и разговаривают между собой. Вот и шумят.

- Когда это бывает? - спросил Андрей.

- В ночь на Ивана Купалу, когда многие чудеса случаются.

- О чем же они говорят?

- Понять их может только тот, кто в эту ночь сорвет цветок кочедыжника\*. Он в полночь распускается и горит огнем, а нечистой силой охраняется. Чтобы сорвать его, надо нечистую силу одолеть: не поддаваться искушениям ее, не откликаться на зов, даже головы не поворачивать...

А кто знает, тот рассказывает, будто дубы разговоры ведут о богатырских подвигах, а березы все про любовь шепчутся.

Ульяница замолчала, и они долго сидели, прижавшись друг к другу, слушая шум берез.

- Андрюша, - сказала вдруг Ульяница. - А давай мы с тобой и в разлуке разговаривать.

- Давай... - согласился Андрей. - Только ведь я от тебя далеко буду. Может, за тысячу верст. Как же говорить?

- А я придумала, как... Ты смотри на солнце, когда оно заходит. И когда оно восходит - тоже смотри. Я его тоже каждый день провожать и встречать буду. И на него глядячи, с тобой говорить. Мы с тобой через солнышко говорить будем. Понял, Андрюша?

- Понял, Ульяница, свет мой ясный, - сказал Андрей и крепко ее обнял.

Так сидели они и вели свой разговор, пока не показалась на небе узкая полоска света, но теперь уже с другой, правой стороны озера...

Первыми на призыв Федора Рома-

---

\*Кочедыжник - папоротник.

новича пришли в Белоозеро со своими дружинами и ратниками племянники, белозерские князья ближних уделов - сыновья брата Василия Романовича Сугорского: Семен Кемский, Глеб да Иван Карголоомские, князья Ухтомские и Андомские, боевые дружины с Вадбала, Андопала, Кубены.

В нижних землях Сугорья по Шексне на пути ожидали Федора Романовича другие его племянники: князья Юрий Сугорский да Афанасий Шелешпанский, дружины с Андоги, Суды, Белого Села. Великая собиралась сила...

...И вот опять на торговой площади Белоозера собрался весь городской люд. Отслужен последний молебен в церкви святого Спаса, и князь Федор с духовниками вышел к воинству. Настал час прощания.

Многоголосно шумит площадь. Матери и жены, все, кто остается дома, отдают воинам, по обычаю предков, конечное целование.

Первой подошла к Федору Романовичу жена его Федосья. В который раз, не сосчитать, за свой долгий век она, дочь великого Ивана Калиты, провожает в боевой поход своих близких. Сколько слез пролила, не ведая, воротятся ли они живыми. Отдав конечное целование мужу, княгиня обняла сына Ивана. Заплакав, она прижалась к его груди.

А рядом причитали другие женщины. Прощался Онфим-сапожник со своей женой и ребятишками. Недалеко от них стоял Кузька с отцом и матерью.

Рядом с Кузькой - гнедой белоглазый жеребец с лысиной - настоящий борзоходец. Не обманул Андрей, добыл для друга в конюшне доброго коня. Да и сам Кузька добро снаряжен. На нем железная рубаха, которую вместе со шлемом и мечом получил он у княжеского оружейного ключника Пантелея. Отец мог дать ему лишь лук со стрелами, деревянный щит, обтянутый кожей, да острый засапожный нож, с которым когда-то ходил на охоту. Правда, на поясе у Кузьки висит и свой обоюдоострый, с костяной рукояткой нож, да

еще кресало и шило в чехле, так необходимые в походе.

К седлу приторочена войлочная полсть для спанья и укрытия от непогоды. В седельной суме сухари, овсяная мука для толокна и прочие припасы, положенные матушкой Варварой. Глядя на Кузьку во всем этом боевом одеянии, совсем не скажешь, что он воин-небывалец. Повзрослел Кузька, посуровел даже лицом своим. Отчего и отец говорит с ним по-взрослому, как с равным.

- Чести нашей не урони, - торжественно давал Анисим последний наказ сыну. - Рода нашего не опозорь. Идешь ты на святее дело: отчину нашу и дедину от ворогов оборонять. Да не дрогнет сердце твое, да будет крепка рука твоя, когда встретишь супостата.

Анисим перекрестил и троекратно поцеловал сына. Варвара громко заплакала.

- А ты не голоси, - строго сказал Анисим жене. - Он не девка-юница, а мужик. Идет на святое дело. Благослови.

И Анисим легонько подтолкнул к Варваре сына. Тот встал перед матерью на колени. Варвара, всхлипывая и шепча молитву, повесила Кузьке на шею маленький образок Богоматери с младенцем и ладанку с травой бессмертником. Сама опустила перед сыном на колени и, обхватив руками его белобрысую голову, заголосила вновь.

- А ну, мать, хватит. Чего заживо хоронишь. - Анисим оттащил Варвару от сына. - Ступай с Богом, сынок.

Кузька встал и земно поклонился родителям.

- Прощай, отец... Прощай, матушка...

...Андрей Хват сидел уже в седле, когда увидел идущую к нему Ульяницу. Он sprыгнул на землю. Ульяна подошла и протянула Андрею сверток.

- Прими, Андрюша, сорочицу. Сама шила для тебя.

- Спасибо, Ульяница, - поклонился Андрей.

Они, взявшись за руки, стояли и

молча прощались, пока не заиграла вдруг походная труба.

Вся площадь пришла в движение. Закричали сотники, заржали кони, заголосили бабы. Сопровождаемые толпой горожан и духовниками с иконами, белозерские дружины двинулись по дороге на Старый городок к берегу Шексны.

Путь их был не близок: до самой матушки Москвы, где собиралось воинство со всех городов и уделов русских, чтобы идти потом навстречу татарским ордам, которые вел на Русь злой темник Мамай.

## МОСКВА

*И приидоша князи Белозерские,  
крепки суще и мужественны, на брань  
с воинством своим.*  
ЛЕТОСЛОВЕЦ

...Как только-только забрезжил рассвет, белозерский полк снялся с ночевки на берегу реки Клязьмы в двадцати верстах от Москвы и выступил по Дмитровской дороге в последний переход к стольному городу.

Чем ближе подходили к Москве, тем чаще попадались вдоль дороги деревеньки и села. А около полудня, окруженная холмами и горками-крутицами, березовыми рощами да ремесленными слободками, открылась перед белозерцами Москва - стольный град всея Руси.

По высокому берегу Неглинной тянулся длинными улицами Великий московский посад, а еще выше над ним и над всей этой землей величаво возвышался кремлевский холм, опоясанный белокаменной стеной. На холме в густой зелени деревьев поблескивали золотом верха церквей и теремов.

- Ух ты, Господи, красота-то какая, - восхищенно произнес Кузька, оставив коня и сняв шапку.

- Москва... - коротко сказал ехавший рядом Онфим.

По широкому наплавному мосту перешли Неглинную. Завершив многоверстный путь, белозерский полк разбил стан на окраине московского посада, на Васильевском лугу.

Князь Федор с воеводами отправился в Кремль к великому князю Дмитрию. Воины отдыхали после трудного перехода, расседывали коней, разводили костры.

Дядька Онфим, Кузька и Андрей Хват, ставший теперь их десятским, умывшись и прибравшись, пошли смотреть Москву.

По обеим сторонам извилистой, мощенной тесаными плахами Никольской улицы, на которую ступили белозерцы, тянулись высокие бревенчатые частоколы, за которыми стояли дворы москвичей с рублеными избами, колодезными журавлями, амбарами, мыльнями, огородами. Народу на улице было много: Москва проснулась от полуденного сна. Стучали по мостовой колеса телег. Пеший и конный люд двигался по Никольской в сторону Кремля и от него.

На перекрестках и в тупиках во множестве стояли деревянные церквушки, увенчанные маленькими главками. Чем ближе подходили белозерцы к Кремлю, тем оживленнее становилось на улице. Вот в конце ее показалась часть белой кремлевской стены с башней, а когда улица кончилась, то они остановились изумленные: вся огромная площадь между посадом и Кремлем была заполнена народом, представлена возами и лавками.

От края площади, где белозерцы находились, другого края даже не видно было. Вся эта огромная толпа людей разговаривала, двигалась, кричала.

Гудел, как улей, московский торг, а над ним гордо и молчаливо возвышались высокие белокаменные стены и башни с плоскими площадками на них, по которым расхаживали вооруженные стражи.

Кузька впервые был здесь и потому смотрел на все, как на дивное диво. Поначалу казалось, что люди на торгу толклись и двигались в беспорядке, но, когда Кузька с Андреем и Онфимом присмотрелись, то увидели, что это не так. В толчее рыночной площади они увидели ряды торговых скамей и лавок. Что ни ряд, то свой товар.

Вот вдоль белокаменной стены протянулись скамьи ветошного рада с разложенными на них льняными сорочицами, сермягами из крашенины, войлочными, суконными и бархатными шапками, рукавицами.

Рядом с ветошниками - сапожники. На дощатых скамьях конская сбруя, ремни, сапоги на толстой бычьей коже, сумки-калиты, ножны и прочий, нужный всякому человеку, ходовой товар.

А вот в сурожском ряду разложили свои товары гости-сурожане. Тут и заморский шелк, и парча, и камка, и разная мелочь: румяна, белила, бусы, сережки, перстеньки. Чего только нет у богатых сурожских купцов для московских девок и молодух, которые со смехом и шутками толпятся возле лавок.

Оживленно в рядах мастеров железного дела: кузнецов и бронников. Здесь товар серьезный. Москвичи покупают, примеряют, пробуют кованые наконечники для стрел и копий, боевые топоры, мечи, шеломы, щиты для завтрашнего боевого похода.

Напротив Фроловских ворот Кремля торгуют разной снедью пирожники, блинники, калашники, квасники. Ближе к домам посада много возов со свежей капустой, репой, яблоками, тыквами. Тут же в кадях квашеная капуста, моченые яблоки, огурцы - все, чем богат ныне август-густарь.

На площади тоже много маленьких деревянных церквушек. Только вдоль стены от Никольских до Фроловских ворот Кузька насчитал их целый десяток. На их папертях толпы нищих, болящих, недужных, вдовиц и сирот в грязных одеждах. Рябит в глазах от такого многолюдья, звенит в ушах от говора и криков торговцев, горожан, крестьян, холопов-страдников и просто гуляющих людей. Снуют, покрикивая, походящие торговцы - разносчики мелкого товара. Один такой чуть было не сбил Кузьку с ног, когда тот загляделся на всю эту пестроту московского торга. Онфим засмеялся.

- На Москве рот не разевай - с ног сшибут.

В блинном ряду у жаровен с калеными углями - краснолицые блинники. Тут блины пекут, тут и продают. Один из них окликнул белозерцев:

- А ну, молодцы, налетай на блинцы. С пылу с жару отведай пару, да еще немножко - два пула\* плошка.

Блинник, ловко орудуя деревянной лопаткой, снимал горячие блины со сковородки и клал в глиняные миски, поливая их затем маслом из узкогорлой кубышки.

- Лей, кубышка, поливай, кубышка, не жалей хозяйского добришка, - весело проговорил дядька Онфим, решив отведать московских блинов.

- Лей-поливай, да хозяина не забывай, - подмигнув и в тон ему ответил москвич. - Откуда, молодцы такие?

- С Белоозера, дядя.

- Недаром такие белоголовые. Не от озерной ли воды?

- Может, и так.

Блинник подал каждому по миске блинов.

- Да, собираются воины со всей Руси. Тут уж до вас ростовцы пришли и костромичи, а то ли будет в Коломне, когда соберутся все. Несдобровати Мамаю.

- А сам-то идешь, дядя? - спросил Кузька.

- А то как же. И сам, и два сына со мной. Идем в пешей рати. Останутся на Москве только старики, женки да дети малые...

...Отведав у квасника холодного, со льда, квасу, Онфим, Кузька и Андрей прошли во Фроловские ворота Кремля.

От самых ворот начиналась Большая кремлевская улица. Дворы за частокколами здесь были добротнее и богаче, нежели на посаде: с решетчатыми сеньми, конюшнями и дворнями. Только у самой стены в переулках стояли дворишки горожан-мастеровых. Большая улица вывела белозерцев к широкой площади, на которой стояли четыре белокаменных храма. Высокий деревянный великокняжеский терем сверкал на солнце стекольчатými окнами. Там, за ними, держал сейчас совет с воеводами ве-

\* Пул - мелкая монета.

ликий князь Дмитрий Иванович Московский.

Белозерцы стояли возле терема на самой вершине кремлевского холма. Внизу под ними в листве деревьев белели зубцы стены у самого берега Москвы-реки. По всему подолу тянулись ряды домишек, амбаров и великокняжеских конюшен. Левее за стеной сгрудились на воде у пристанища лодьи, насады. Живой на плаву мост соединял оба берега Москвы-реки, переходя на той, низкой, стороне в широкую Ордынскую дорогу.

Отсюда, с высоты холма, были видны многие дороги, и казалось, что кремлевский холм высится не только над Москвой, а стоит он утесом посередине всех русских земель, которые тянутся к нему путями-дорогами.

Жила Москва, жила Русь, и не верилось, что там, далеко на юге, за этой синей дымкой, куда уходила Ордынская дорога, двигались к Москве несметные тьмы татарских полчищ, страшных в своей жажде все разрушать и испепелять...

Белозерцы еще долго бродили по кремлевским улицам. Солнце клонилось к закату, когда они через Никольские ворота вышли из Кремля.

Уже затих московский торг, тихо было на улицах Великого посада. Спокойно и неторопливо звонили колокола церковей, созывая горожан на всеобщую, помолиться по обычаю о здравии воинов: сыновей, отцов, братьев и всех иных, уходящих завтра на защиту родной земли, идущих умереть или победить...

## И ПОДНЯЛАСЬ РУСЬ

*Тут, братья, стук стучит и гром гремит  
в славном граде Москве.*

*Это идет сильная рать великого князя  
Дмитрия Ивановича...*

*...Князи Белозерские из каменна града  
Москвы выехали своим полком  
и храбро их видети войско.*

*ЛЕТОСЛОВЕЦ*

На соборной площади Кремлялюдно, как в праздник. Пешие и конные, москвичи и пришлые из других уделов собрались здесь. В одном строю

стоят ростовцы и белозерцы, ярославцы и костромичи, звенигородцы и уglichане, кашинцы и устюжане. Так повелось издревле: отсюда, с широкой площади Кремля, начинался для русских полков и дружин путь на битвы с врагами Руси...

Все было готово к походу. Ждали только выхода великого князя Дмитрия Ивановича.

Но вот с митрополичьего двора, из собора архангела Михаила, где проходил напутственный молебен, вышел и он с воеводами и церковным клиром. Статный, черноволосый, в расшитых золотом остроносых сапогах из красного сафьяна, по земле ступает твердо. Живые глаза смотрят с достоинством и спокойно.

Князь Дмитрий моложе многих своих воевод. Только черная, недавно отросшая борода придает его лицу мужавость, и он кажется старше своих тридцати лет.

Дмитрий с князьями остановился посередине площади. Из толпы народа вышла к нему великая княгиня Евдокия с сыновьями Василием, Юрием и Андреем. Дмитрий наклонился и что-то стал говорить им. Те обхватили отца за шею и прижались к нему. Евдокия заплакала, поцеловала мужа и, захватив сыновей, отошла...

Ничего не сказал ей Дмитрий. Только нахмурился. Евдокия земно поклонилась мужу. Вместе с нею поклонился весь народ, собравшийся на площади. Дмитрий ответил земным поклоном на все четыре стороны.

Два дюжих оруженосца подвели к великому князю стройного рыжего коня. Один из них, привстав на колени, придерживал рукой серебряное стремя. Дмитрий похлопал ладонью упругую шею коня и легко закинул свое тело в седло. И тут же, по этому знаку, ударили колокола всех кремлевских звонниц. Вскинулись в небо стаи птиц над золочеными куполами и свинцовыми кровлями храмов, зашумела площадь, заколыхались стяги, заголосили бабы, отдавая воинам конечное целованье.

Из Кремля русская рать пошла тремя воротами, тесно было воинству на



московских улицах. Через Тимофеевские ворота, которые выводили к мосту через реку Москву и дальше на Ордынскую дорогу, ехал впереди своей великокняжеской дружины, московских и удельных ратников сам Дмитрий Иванович. Из Фроловских ворот и далее по Брашевской дороге вдоль Москвы-реки выехал с дружиной да с дмитриевской и звенигородской ратями князь Владимир Серпуховской. Белозерский полк с кашинцами и устюжанами двинулся из Никольских ворот Кремля по Болвановской дороге мимо Симонова монастыря.

Вся Москва провожала воинов. Люди заполнили площадь и улицы города, облепили кремлевские стены и башни. Сопровождаемое причетами, криками и плачем, русское войско покинуло Москву.

Встретились рати на коломенской дороге, вдали от стольного города и все вместе двинулись на Коломну. На многие версты растянулось воинство, и если бы посмотреть сверху, то казалось бы, что это течет на юг от Москвы по Русской земле неведомая доселе река, вбирая по пути все новые и новые притоки, с каждым часом становясь полноводнее и шире. Но нет, не река это, а Русь идет, поднимаясь и расправляя свои плечи, чтобы стряхнуть с себя ненавистное ярмо чужеземца...

...После Коломны русского войска прибыло втрое. К пришедшим из Москвы с великим князем дружинам присоединились рати из Владимира, Суздаля, Можайска, Мурома и иных городов Залесья. Из Коломны выступили двадцатого августа, а когда четыре дня спустя, на праздник Семена-летопроводца, перевезлись через Оку близ устья Лопасни и пошли по Дикому полю окраины рязанской земли, в русское войско пришли со своими дружинами князья Андрей Полоцкий да Дмитрий Брянский - двое из двенадцати сыновей великого князя литовского Ольгерда. Не пожелали они поддерживать родного своего брата Ягайлу, который в это же самое время спешил на помощь Мамаю...

Вооруженные чем попало, с рогаatinaми, косами, с топорами на длин-

ных топорницах, в лаптях и рваных армячишках приходили толпы крестьян из рязанских сел и деревень мимо которых шла к Дону русская рать. Ещё в Коломне, когда на Девищем поле под городом уряжали полки, воеводы огласили приказ великого князя Дмитрия, который заповедал всякому ратному человеку: идя по рязанской земле, не творить никакого зла ее жителям, «не касаться ни единому волосу их».

Рязанцы из деревень, лежащих на пути войска, сами выносили ратникам все, что могли, из своих скудных припасов. Выжженная и разграбленная многими татарскими набегами рязанская земля была бедна и деревнями, и пашнями, и нивами. А какие деревни попадались на пути, то люди жили там больше все в полуземлянках, что очень дивно было видеть белозерцам.

Правда, край этот был обилён разным зверьем да птицами, и житные отряды, собиравшие для войска корм, нужды особой не знали.

Все это Кузька увидел сам, когда воинов их десятка урядили собирать съестные припасы. Рыская на коня по лесам и полям в стороне от главного пути, белозерцы набрали однажды на небольшую деревеньку. Ее и деревней-то на Белоозере не называли бы: несколько полуземлянок на берегу малой речушки. Они и деревню-то может, не заметили бы, да оттуда доносились какие-то крики и плач.

Белозерцы завернули коней и увидели, как у крайней к лесу избенки женщина, глухо повязанная платком, крича и причитая, удерживала маленькую тоже кричавшую козлушку, которую тянул за рога мужик в распахнутом кафтане. Привязанный к изгороди конь под седлом стоял неподалеку.

- Кто таков? - спросил мужика Андрей, когда белозерцы подъехали ближе.

Увидев всадников, мужик отпустил козлушку.

- Ратник великого князя Дмитрия.  
- У него рать большая. Чей будешь?  
- Московские мы, - чуть с вызовом ответил ратник. - А вы кто такие?  
- Мы тоже из войска великого кня-

зя. Белозерской дружины ратники. Пошто козу отбираешь?

- А у нее еще есть, - не моргнув глазом, быстро ответил москвич.

- Мало ли у кого что есть, - Андрей повернулся к женщине, рядом с которой стояли откуда-то появившиеся трое малых ребят, тесно прижавшись к матери. - Как звать тебя?

- Фетинья, - ответила женщина.

- Где мужик твой?

- Ушел с войском в поход.

- Так, так, - помрачнел Андрей и оборотился к ратнику. - Ты про приказ князя Дмитрия слышал?

- Какой приказ?

- Ничего, идя по рязанской земле, не брать и никого не касаться.

- Ничего я не слышал. Мне велено мяса добыть.

- Вот и добывал бы в лесу. А ты захотел что поближе, да у того, кто за себя постоять не может, - вмешался в разговор дядька Онфим.

- Муж ее вместе с другими ушел с войском, а ты последнюю животину у бабы отымаешь. На смерть ее и детей обрекаешь. Детей брата своего и воина. Да знаешь ли ты, что такой и блудника, и прелюбодея, и татя окаяннее и проклятее!

Ратник стоял, ничего не отвечая, и даже смотрел на белозерцев с каким-то вызовом.

- Что делать будем с этим гусем? - спросил Онфим Андрея.

Андрей ответил не сразу. Он, о чем-то размышляя, глянул на ратника, а потом на женку с ребятишками и изрек свой приговор:

- А ну, москвич, сымай порты,

- Как это? - не понял сразу тот.

- А так. Рассупонивай гашиник\*

- Да вы что! Да я... за что? - москвич не ожидал такого поворота,

- Будем тебе приказ великого князя доводить через твое срамное место,

- Побойтесь Бога, мужики.

- Господь тут ни при чем, ибо сказано им: добро творящих чести, а зло творящих запрещай.

Москвич умоляюще оглядел белозерцев.

- Неужели при бабе... - он кивнул на Фетинью.

- Нет, мы честь ее соблюдаем. - Андрей повернулся к женке. - Иди, да боле никого не бойся.

Фетинья, перекрестившись и поклонившись, ушла...

- Вот это тебе впредь знатье будет, что приказы великого князя Дмитрия лучше через голову, через ум доходят. Ступай, - сказал Андрей москвичу, когда тот встал с земли.

А москвич, оправив одежду, отвязал своего коня от загородки и побрел прочь пешком, ни слова не сказав и не подняв головы.

...Шестого сентября, за два дня до праздника Рождества Богородицы и Приснодевы Марии, русские рати подошли к Дону-реке и остановились на левом его берегу.

## МАМАЕВО ПОБОИЩЕ

*И уже соколы и кречеты, белозерские  
ястребы скоро за Дон перелетели  
и ударились о многие стада гусиные  
и лебединые. Это перевезлись и наехали  
сыновья русские на сильную рать  
татарскую, загремели мечи булатные  
о шлемы хиновские на поле Куликовом  
на речке Непрядве... И была сеча зла  
и велика и трус земли велик.*

*От начала мира не бывало такой сечи.*

ЛЕТОСЛОВЕЦ

Осень в этом году ожидалась быть протяжной, с ясными днями и теплыми ночами. В светлом воздухе бабьего лета носились паутинки - верная примета долгой и теплой осени. Только по утрам становилось прохладнее. И тогда в низинах и над спокойным Доном появлялся туман. А вместе с ним тянулось над рекой дым от тысяч костров, горевших на левом берегу, где разбила стан русская рать. Весь берег не на одну версту был усеян людьми, шалашами, конями, повозками, шатрами.

Наступил второй день, как горят над Доном костры. Рыщут на том берегу на усталых конях по полям и лесам ближние и дальние сторожи. То и дело скачут от них к великокняжес-

\* Гашиник - пояс, шнурок на штанах.

кому шатру гонцы с вестями о движении Мамаева войска. Доносят вестники, что татары уже подошли к Гусиному броду, а это всего в одном дне пути от Дона.

С утра, как взошло солнце, в шатре великого князя Дмитрия собрались на скорый совет воеводы всех полков. Недолго был разговор, и князь великий объявил свою волю: перейти Дон и исполчиться на Куликовом поле вдоль правого берега Непрядвы. Каждому полку мосты через Дон мостить и броды искать для переправы.

Застучали топоры в прибрежных лесах и дубравах. Потянулись к воде вереницы лошадей с бревнами. Мастера-городники связывали бревна лыжными и лыковыми веревками в широкие плоты, опускали на воду, составляя наплавные мосты для пешцев.

Переправу начали не мешкая. Первыми в этот день перешли Дон и стали на том берегу полки правой и левой руки да передовой пеший. Лишь большой великокняжеский полк еще оставался на левом берегу Дона: его место на Куликовом поле как раз почти напротив переправ.

Все воины готовились к завтрашнему дню: мылись в реке, надевали чистые праздничные рубахи, причесавшись и прибравшись, шли в походные полотняные церкви, где полковые попы причащали их и отпускали грехи. Таков уж был у русских мужиков обычай: в бой идти как на пир, а если придется на том пиру опьянниться и голову сложить, то только чистыми и душой и телом...

...Затухала вечерняя заря, предвещая ведренный день. Тихо было в стане русских воинов на обоих берегах Дона. Только слышались негромкие разговоры у костров, на которых готовилась в котлах пища - последняя трапеза перед боем, да какой-нибудь гуслиар, будто сказывая о чем-то, неторопливо перебирал звончатые струны гуслей.

Онфим, Кузька и воины из их десятка тоже сидели у костра. В котле пузырилась просяная каша, густо сдобренная чесноком. Белозерцы пришли к Дону под началом самого кня-

зя Дмитрия. Когда уряжали полки на Девичьем поле под Коломной, он взял белозерские дружины к себе в большой великокняжеский полк.

Кузька поддел деревянной ложкой каши из котла, попробовал и повернулся к Онфиму.

- Поди добра, дядя Онфим?

Онфим не торопясь достал из-за голенища свою ложку, завернутую в тряпицу, вытер ее и сам попробовал варево.

- Кажись, добра. Сымай.

Котел сняли и поставили для остуды в неглубокую яму. Все уселись вокруг.

- Ну, братцы, начнем, благословясь, - Онфим перекрестился и постучал о край посудыны.

Кто-то протянул Онфиму глиняную кубышку, оплетенную берестой.

- У отца Никодима от причастия осталось. Мед...

Онфим отложил кубышку в сторону.

- Сам не буду и тебе не велю. Вот завтра будет пир, там и выпьем каждый свою чашу. А сегодня грешно. Завтра нужна голова ясная, глаз зорек и рука крепка. Да и праздник завтра - Рождество Богородицы...

Из темноты к костру вышел Андрей Хват, бывший у князя Федора.

Тот собирал к себе всех сотских и десятских. На Андрее Ульяницына рубаха с вышитыми синими цветами по подолу.

- Садись, Андрюха, да сказывай, какие вести принес, - Онфим подвинулся, освобождая место рядом.

- Весть одна. Мы на заре переходим Дон. На том берегу сторожа языков добыла. Те говорят, что Мамай стоит станом в семи верстах отсюда. А еще князь Федор сказывал, что иные воеводы хотели бы на этом берегу бой принять, да великий князь по-своему размыслил. Мы, говорит, сюда не затем пришли, чтобы реку Дон стеречь, но избавить Русскую землю от разорения.

- Так и быть должно, - заговорили ратники.

- Это по-нашему. Зачем тогда столько верст было топать.

- А татар-то много ли? - спросил Кузька.

- Множество несчетное. Да ты уже ли боишься?

- А чего бояться? Нас ведь тоже сила немалая. Почти вся Русь собралась. Так неужели забоимся этих обрезанных идоложрецов. Били их на Воже-реке два лета тому, побьем и завтра.

- То правда, - согласился Хват. - Татар бить можно и побеждать можно, но на Воже-реке их было менее, чем теперь. Мамай набрал наймитов из многих земель: фрягов, хосогов, яссов, буртасов, жидов кавказских и иных.

- А я, братцы, вот что скажу, - вступил в разговор Онфим, обращаясь к молодым воинам. - Татары ведь как бьются? Они будто ножом врезаются в ряды и отсекают десяток-другой ратников, а потом секут и колют. Это их любимое дело. Вот и выходит, что нам нужно держаться вместе крепче да тем же делом и татар бить.

- И чего это они на нас прут таким числом несметным? - задумался Кузька.

- Мамай хочет отомстить великому князю Дмитрию за свое побоище на Воже, да за то, что дань ему не платит, - сказал Андрей.

- Так-то так, - вновь заговорил Онфим. - Но еще я думаю, что все это от наваждения дьявольского. Идут иноплеменики на нас из-за грехов наших. Из-за неправд, братоненавидения, сребролюбия, суда неправедного. Забыли мы заветы предков наших, вот бесы и ввели нас во грех.

- Андрюха, а в твоей книге об этом прописано? - спросил Кузька.

- В ней про все прописано, и об этом тоже, - ответил Андрей и, взяв в повозке книгу, раскрыл ее и прочел: - «Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмеваются, ввергнув их в погибель смертную... Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты. Тем-то они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, нетвердым в вере, одним во сне, а другим в мечтании. Больше же всего через жен волхования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же

мужчину, Потому и в наши дни много волхвуют женщины чародейством. Но и мужчины неверные бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена. При апостолах ведь был Симон волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески и сам оборачивался то старым, то молодым или кого-нибудь оборачивал в иной образ в мечтании»...

- Так, стало быть, вороги наши не хотят, чтобы на Русской земле единение было? - сказал Кузька.

- Это им как серпом по пальцам, наше единство, - ответил Онфим.

- Тогда мы завтра победим! - убежденно заключил Кузька.

- Это почему же? - опросил Андрей.

- А потому, что собралась здесь вся Русь в единстве своем. Так кто же может сейчас против нас устоять...

Внимательно слушали воины-небывалыцы наставления Онфима и Андрея Хвата. Долго не ложились они спать в этот вечер, разговаривая и вспоминая свою жизнь до этого похода, близких своих и Белое озеро, от которого ушли за сотни верст.

...На востоке посветлело небо. Наступал новый день - восьмое сентября тысячи триста восьмидесятого года.

Пронзительный звук боевой трубы, несшийся от великокняжеского шатра, разорвал тишину над большим полком, нарушив беспокойный сон воинов. И тотчас же, будто откликаясь, со всех сторон заиграли другие трубы, забили бубны и барабаны. Ратники седлали коней, одевались в боевые доспехи и становились в ряды. В строй вставляли все. Даже полковые попы со своими причетниками, скинув ряссы, обряжались в железные рубахи.

На высоком месте берега, мимо которого спускался к реке большой полк, стояли несколько всадников, наблюдая за переправой. Один из них был на рыжем коне и в богатых одеждах. Чуть позади него рында\* держал в руках чермное\*\* великокняжеское знамя, с которого большими

\* Рында - телохранитель, оруженосец.

\*\*Чермное - багровое, темно-красное.

и грустными глазами смотрел на воинов печальный лик Спаса.

- Гляди, Андрей, сам князь великий, - Кузька кивнул в сторону всадников.

- То не он, а московский воевода Михайла Бренк. Ему князь Дмитрий свои одежды и коня отдал, а сам в простые облачился. Вон он, стоит в сторонке.

Всадник, на которого показал Андрей, сидел на вороном коне, в колонтыре из досчатой брони с короткими рукавами и в простом железном шлеме...

Великокняжеский полк, переправившись на правый берег Дона, занял свое место вдоль берега Непрядвы, выпадающей в Дон чуть выше переправ. Когда последние ратники ступили с мостов на берег, мастера-городники обрубили веревки и разрушили опоры, чтобы ни один не помышлял об отходе назад, за реку. Мосты развернуло течением и прибило к опустевшему берегу...

К десяти часам утра солнце и ветер разогнали туман, и открылось перед воинами Куликово поле во всю его ширь и даль. Кузька Сухоруков въехал на пригорок и с интересом глядел на открывшуюся перед ним картину. Трудно было назвать полем эту холмистую землю, зажатую в огромной излучине Непрядвы и Дона, изрезанную мелкими ручейками и овражками с кустарником и березовыми рощицами по берегам. Из края в край Куликова поля на четыре версты раскинулась в ширину русская рать, похожая сверху на огромную птицу, распластавшуюся по земле. Голова ее - передовой полк, тулово ее - большой великокняжеский, крылья ее - полки правой и левой руки, хвост ее - запасный полк. А в опричном месте в дубраве, что примыкала к полку левой руки, скрылся засадный полк, ожидая своего часа. Плотными рядами стояли тысячи ратников. Играли солнечные блики на их боевых доспехах, трепетали на ветру красные лоскутки в шишаках шлемов, колыхались над рядами знамена и хоругви. А сколько разномастных коней под всадниками: вороные и карие, гнедые и караковые,

бурые и соловые, пегие и каурые, чалые и рябые, буланые и саврасые!

Никогда еще не собирала Русь воедино столько конных и пеших ратников. Каждый из них пришел сюда биться с татарами за свой дом, за матерей, жен и детей своих, а все вместе - за святую матушку Русь. Глядя на все это, Кузька как-то сразу почувствовал себя спокойно и уверенно.

С той стороны, где стоял передовой полк, послышались вдруг крики «ура». Потом Кузька увидел, как оттуда к большому полку поскакало несколько всадников. Над ними развевалось знамя, и Кузька понял, что это великий князь Дмитрий Иванович Московский объезжает войско. Вот он приближается и к белозерскому полку. Князь Дмитрий в полном боевом облачении. Только на голове нет железного шлема, который держит в руках княжеский рында.

Великий князь резко остановил коня, вскинул вверх руку и громко произнес своим сильным голосом:

- Братья белозерцы! Князи и воеводы! Сыны русские от мала до велика! Час приближается грозный, Мужайтесь и крепитесь! Скоро будут татары, а вы будьте готовы против них. Поганый Мамай грозит: если раб не соблюдет заповеди господина своего, то биен будет. Но русские никогда не были рабами! Прародители наши, святые князья киевские, получили веру православную от Господа. И с той поры зажженная свеча веры нашей русской горит из века в век. Так не дадим же, братья, сей свече угаснуть! Избавим отечество наше от разоренья! Обороним его от поганых! Не пощадим живота своего за веру христианскую, за землю нашу русскую, за вдов и сирот, за всех русских людей! Да не будет в сердцах ваших страха и трепета! Честная смерть лучше плохого живота! Умрем или победим!

Громкое и протяжное троекратное «ура» сотрясло воздух над белозерским полком. Под эти громовые возгласы Дмитрий Иванович подъехал к белозерскому князю Федору и обнял его. Затем поскакал к другому полку...

...Долго не было видно татар на противной стороне Куликова поля. Оттуда, из-за холмов, за которыми были они скрыты, доносились только их крики да звуки боевых труб. Но вот зачернели вершины холмов, и будто темные волны стали перекатываться через них. Это ряд за рядом спускались на поле татары.

Было около полудня, когда две рати, как две живые стены, выстроились друг перед другом, ошетилившись копьями. От того места, где в большом полку находились белозерцы, было далеко до передового полка, перед которым стояла, закованная в латы, итальянская пехота Мамай. Но Кузьке и его товарищам видно было, как с разных сторон узкого прохода меж полками ринулись друг на друга по обычаю два всадника-поединщика: татарин и русский. Короток был их поединок. Оба воина, пронзенные копьями, свалились с коней.

И тут же столкнулись две стены, две силы, и сотрясся воздух над полем Куликовым от этого столкновения, от криков тысяч людей, от ржания тысяч коней, от железного лязга и скрежета. Засверкали короткими молниями мечи и сабли, полетели в обе стороны тучи стрел. Началась битва, какой не бывало от начала мира под этим солнцем, так ярко и мирно сиявшим сегодня над землей...

Рядом с передовым полком бьется с татарской конницей полк правой руки. Только полк левой руки не вступил пока в дело. Между ним и татарами речка Смолка. Не решаются татары через нее бродиться. Ждут приказа с Красного холма, где на шелковых подушках в окружении своих темников сидит востроглазый Мамай. Еще утром, когда развеялся туман и с высоты холма он увидел поле и русскую рать на нем, подумал: Московскому князю ума не занимать. Хорошее он выбрал место для своего войска. Лишил его, мамаеву, конницу простора. И справа и слева - реки. Не развернешься, не обойдешь. А еще понял Мамай, что драться будут русские зло и крепко. Отступать им некуда. Поэтому он так обрадовался, когда уви-

дел, что его наемные генуэзцы начали теснить передовой полк русских. И Мамай стал посылать им в помощь новые тысячи своих воинов...

...Второй чае пошел, как началась битва. Страшен натиск врагов на передовой полк, в рядах которого много воинов-небывальцев. Сотнями падают они на землю, а по их телам генуэзцы все ближе и ближе продвигаются к большому полку. Их, итальянских наймитов Мамай, тоже осталось мало, но вместо поверженных встают новые сотни и тысячи.

Ратники большого полка, наблюдая за битвой, томились ожиданием. Андрей, Кузька и Онфим стояли в первом ряду, и они одновременно увидели, как со стороны передового полка к ним во весь опор мчался всадник. Когда он резко остановил потного коня возле князя Федора, Кузька узнал великого князя Дмитрия. Глаза его возбужденно горели. В опущенной правой руке железная палица. Дмитрий снял шлем с кольчужной сеткой, смахнул ладонью пот с лица. Мокрые пряди волос разметались по лбу. Заговорил, тяжело дыша и отрывисто.

- Ну, вот и ваше время приближается, князь Федор. Нет более передового полка. Пришел ваш черед в дело вступать. На вас надежда, белозерцы. Готовы ли?

- Готовы, государь. Костями ляжем, а с места не сойдем. Да и идти-то некуда: за Доном русская земля. Живым, да без победы там для нас места нет, - ответил белозерский князь и, помолчав, добавил с укоризной. - А тебе, государь, не подобает самому в рядах биться. Неровен час, убьют или ранят, и уподобится войско стаду без пастуха. Тебе, государь, надо в опришном месте стоять, смотреть и направлять.

- Нет, не могу, - горячо заговорил Дмитрий, - как же я скажу: братья, вперед, все до единого, а сам лицо свое почну скрывать или прятаться за ваши спины. Нет, я хочу как словом, так и делом быть вместе со всеми, чтобы другие, видя это, отвагу восприняли.

И Дмитрий приказал большому полку двинуться вперед и вступить в дело.

Дядька Онфим подъехал к Андрею и Кузьке, поставив своего коня меж их боевых коней.

- Попрощаемся, братцы...

Земляки обнялись.

- Ежели кто жив останется, - заговорил Онфим, - пусть поклон мой женке и детям на Белоозеро свезет.

- А мой поклон Ульянице, - сказал Андрей.

- А от меня поклон батюшке и ма-тушке, - промолвил Кузька.

- Простите...

- Простите...

- Простите...

Остатки передового полка отходили назад. Их пропустили в середину строя, и отчаянная рукопашная схватка разразилась с новой силой.

Задыхаясь в тесноте, в пыли и жаре, люди рубили друг друга мечами и саблями, кололи копьями, душили руками. Да что люди: даже кони в этой безумной схватке, будто понимая, кто свой, а кто враг, грызли друг друга зубами, били копытами и, храпя, падали, подминая под себя седоков.

В первые минуты Кузька и его друзья бились рядом, но потом все смешалось, и он потерял их из виду. Опускал меч на головы врагов, сам защищаясь от их ударов. Кузька не знал, сколько прошло времени, когда он увидел недалеко от себя спешенных великого князя Дмитрия и Андрея Хвата, бьющихся с четырьмя татарами. Вздвигнув коня, Кузька бросился на выручку. Он уже замахнулся на ближнего к нему татарина и вдруг почувствовал, что падает с лошади. Какой-то копейщик-генуэзец стащил его крюком с седла. Падая, Кузька выронил меч, а когда вскочил на ноги, то увидел перед собой здорового плечистого татарина. Со злоградской ухмылкой он заносил над Кузькой ребристую палицу. Растерявшись, Кузька присел, невольно прикрыв голову щитом. Рука его ощутила рукоять засапожного ножа, и в то же мгновение Кузька выпрямился, с силой всадил блеснувшее лезвие под

железную рубаху в межножье татарина. Тот громко завопил, и, согнувшись, повалился на землю. Но тут сильный удар в голову потряс Кузьку. Потемнело у него в глазах, и Кузька провалился в тишину. И уже не слышал он крика Андрея Хвата, которому был виден поединок. Андрей сам пал, зарубленный татарами. Не видел Кузька, как один за другим пали все его друзья-белозерцы. Пали, но не отошли назад ни шагу под натиском врагов, лезших на них, как саранча. Татары одолевали. И тогда князь Дмитрий вскочил на попавшегося под руку коня, третьего за битву, и помчался в тыл большого полка, где стоял наготове запасный полк Дмитрия Ольгердовича Брянского. Свежие силы русских потеснили татар.

Видя, что атака против передового полка захлебнулась, Мамай приказал правому крылу своего войска перейти Смолку.

Тысячи конников бросились в реку. Закипела вода от множества людских и конских тел. Черной лавиной татарская конница устремилась на полк левой руки русских и стала теснить его к Непрядве, отрезав от дубравы, что стояла между Смолкой и Доном. Татары ликовали, но недолгое их было ликование.

Как только лес оказался у них за спиной, из него вылетели новые тысячи русских конников. Это пошел в атаку засадный полк под водительством князя Владимира Серпуховского и воеводы Дмитрия Боброка. Громкое «ура» летело над полем вместе со сверкающими мечами и саблями над головами, копьями наперевес, бешеным топотом застоявшихся коней.

Долго ждал этой минуты засадный полк, и вот теперь все это ожидание. вся жажда боя, вся ненависть к татарам была вложена в этот порыв. Передние ряды татар все еще бились с полком левой руки русских, а задние, услышав крики и конский топот за спиной, оборотились и поняли все. Но было поздно. Зажатые меж двумя полками, как между жерновами, они были все иссечены. Немногие убежали, и кому это удалось, повлекли за

собой и других по всему полю. И вот татарское войско, еще несколько минут назад послушное одному мановению руки Мамай, распалось, расплылось как вода и превратилось в толпу бегающих в панике людей. Видя это, Мамай у подножья Красного холма выставил заслон из последнего своего запаса конницы. Но это была лишь жалкая попытка погибающих, но все еще не верящих в свою гибель людей. Воины Мамай остервенело защищались, но натиск русских сдержат уже было нельзя. Первым это понял сам Мамай. Будто порывом ветра сдуло его с вершины Красного холма, и он позорно бежал, предоставив своим воинам самим решать свою судьбу. Но за них это сделали русские. Еще целых пятьдесят верст до самой реки Красивой Мечи гнали они убегающих врагов, устилая землю татарскими телами, утверждая древнюю истину предков: пришедший с мечом на Русь да от меча и погибнет.

## ПОСЛЕ БРАНИ

*Страшно ведь, брат, было в то время  
смотреть: лежат трупы христианские,  
как стога сена, а Дон-река три дня кровью  
текла. Считайте, братья, скольких воевод  
нет, скольких молодых людей нет.*  
ЛЕТОСЛОВЕЦ

Тихо на Куликовом поле. Только слышен гомон птиц да голоса оставшихся в живых русских воинов. Ходят ратники по полю, кличут друзей своих и близких, разбирают груды тел, отделяя раненых от убитых, своих от чужих. Недалеко от берега Непрядвы роют братские скудельницы для простых павших, а для знатных долбят дубовые колодины, чтобы отвезти их на родную землю.

Великий князь Дмитрий Иванович объезжает с воеводами поле битвы. Голова его обвязана белой тряпичей, раненая левая рука на перевязи. Вот остановился он там, где бился с татарами и генуэзцами большой полк и где он сам недавно дрался. Дмитрий слез с коня. Вся земля вокруг была устлана телами москвичей и белозерцев, лежащих вперемешку с врагами. Стоя

над телами белозерского князя Федора и сына его Ивана, задумался Дмитрий. Велика победа, да велика и скорбь. Оскудела земля русская мужиками, пахарями и кузнецами, воеводами и молодыми людьми...

Но не зря, нет, не зря сложили они сегодня свои головы, полили кровью своей эту землю. За тебя, Русь, за обиду и честь твою, чтобы не стояла ты боле на коленях перед безбожными агарянами. Как щитом, заслонила ты сыновьями своими многие страны и народы. И уже летит эта весть к морю Варяжскому и на Дунай, к Тырнову и Царьграду. Летит слава во все страны полуденные и полуночные: Русь великая татар одолела на поле Куликовом...

- Живой! Живой! - услышал Дмитрий рядом крики. Он обернулся.

Два воина поднимали белокурого ратника с перепачканным землей и кровью лицом. Дмитрий подошел поближе.

- Чей будешь, брат? Откуда? Как звать?

- С Белоозера... Кузька... я...

Парень говорил с трудом, прерывисто, Спас Кузьку железный шлем, когда пришелся по нему тяжелый удар чьей-то палицы. Дмитрий обнял Кузьку здоровой рукой.

- Спасибо, брат. За всех белозерцев тебя обнимаю. Нет их боле. Все полегли... И князь Федор, и князь Иван. Все. Тебе нести на Белоозеро печаль эту.

Дмитрий велел положить Кузьку на телегу и отвезти к переправе, куда собирали всех раненых. Когда обоз тронулся, Кузька приподнялся с пахучей травы на телеге и посмотрел на то место, где только что лежал. Там оставались его земляки и друзья. У одного из воинов выставлялась из-под кольчуги белая сорочица, расшитая по подолу синими цветами. Только сейчас цветы были темно-красными. Кузька узнал Андрееву рубаху, и еще горше стало ему при виде убитых земляков. Никогда не бывать им на Белом озере и не видать им родных своих, жен и детей не обнимать. Обнимать им землю вечно здесь, на поле Куликовом у речки Непрядвы.